

Врачъ Л. И. Рубинштейнъ.

Воспоминанія перваго сту-
дента Императорскаго Том-
скаго Университета.

(Посвящаю жемъ и сыновьямъ)

ПАРОВАЯ ТИПОГРАФІЯ Н. И. ОРЛОВОЙ.
1913 г.

Воспоминанія перваго студента
Императорскаго Томскаго Универ-
ситета.

(Посвящаю женѣ и сыновьямъ).

Еще задолго до 22 іюля 1888 года интеллигентная часть населенія Евр. Россіи и въ особенности Азіатской съ нетерпѣніемъ ожидали оффиціального извѣстія о времени открытія университета въ г. Томскѣ. Долго ожидавшійся день, наконецъ, насталъ: открытіе томскаго университета было рѣшено. Вѣсть объ этомъ быстро разнеслась по всѣмъ концамъ необъятной Россіи въ особенности благодаря нынѣ покойному попечителю западно-сибирскаго учебнаго округа В. М. Флоринскому, разославшему сообщенія во всѣ университеты, ученые общества и въ правленія духовныхъ семинарій какъ сибирскихъ, такъ и зауральскихъ о днѣ открытія университета и о приѣмѣ въ томскій университетъ окончившихъ семинаріи, съ дополнительными экзаменами. Такъ какъ это былъ единственный университетъ, двери котораго такъ гостепріимно раскрывались предъ бывшими семинаристами, то они и потянулись съ Кавказа, Волги, Дона, Днѣпра и Западнаго края въ Томскъ, томимые жаждою просвѣщенія. Матеріальное положеніе большинства изъ нихъ было незавидное, къ тому-же

свѣдѣнія о Сибири были скудныя и мрачныя; каждый зналъ, что Сибирь страна ссылки за тяжкія преступленія; пути сообщенія неудобныя и требующіе даже лѣтомъ значительнаго времени, а зимой Сибирь была почти недоступной; путешествіе на лошадахъ, въ суровые морозы, на разстояніе нѣсколькихъ тысячъ верстъ, было дорогое и требовало много времени. Эти обстоятельства приводились родными съ цѣлью повліять на молодые умы, но это обстоятельство не остановило молодежь, стремившуюся попасть въ храмъ науки, и многіе съ небольшимъ скарбомъ, напутствуемые слезами и мольбами близкихъ, направились въ невѣдомый край. Помню, мнѣ пришлось поѣхать въ центръ сѣверо-западной Руси—въ Вильну, чтобы добыть маршрутъ въ Томскъ.

Трактъ на Сибирь былъ одинъ: Москва—Нижній-Новгородъ по ж. д., Нижній—Пермь—на пароходѣ, Пермь—Тюмень по Уральской ж. д.—теперь Пермь-Тюменской—и, наконецъ, отъ Тюмени до Томска водой.

6—7 августа 1888 г. въ Тюмени, на пристани самой богатой пароходной фармы того времени—Курбатова и Игнатова, насъ собралось 10—12 чел.. На видномъ мѣстѣ имѣлось объявленіе фирмы о предоставленіи ѣдушимъ въ Томскъ для поступленія въ университетъ безплатнаго проѣзда въ III кл. на своихъ пароходахъ, причемъ при

выдачѣ билета не требовалось доказательства цѣли поѣздки въ Томскъ. Такъ велико было въ то время довѣріе къ молодежи! Въ ожиданіи парохода насъ устроили на пристани бесплатно въ удобномъ и тепломъ помѣщеніи, бесплатно отпускаясь также кипяткомъ въ любое время. 8-го августа на пароходѣ „Рейтернъ“ мы отплыли изъ Тюмени. Какъ командиръ такъ и пассажиры, которыми пароходъ былъ переполненъ, относились къ намъ съ рѣдкимъ расположеніемъ; въ приглашеніяхъ въ рубку на стаканъ чаю недостатка не было. Какъ теперь помню старика Н. В. Смирнова, томскаго купца, возвращавшагося съ нижегородской ярмарки, не разъ приглашавшаго меня откушать стерляжьей ухи и повѣствовавшаго намъ объ условіяхъ жизни въ Томскѣ. Эти сердечныя отношенія окружающихъ, рассказы ихъ о Сибири, какъ о странѣ богатой, а въ особенности гостепріимной, увѣренія ихъ о томъ, что Сибирь не такъ мрачна и сурова, какъ она кажется сначала, а въ особенности преувеличенное ихъ увѣреніе о богатствѣ и величіи зданій университета возымѣли на насъ свое дѣйствіе. Скорбь по всемъ, какъ намъ казалось, безвозвратно оставленномъ за Ураломъ, въ связи съ неизвѣстнымъ будущимъ среди чужихъ людей въ отдаленномъ холмистомъ краѣ, унылое, тоскливое настроеніе, навѣваемое пустынными бе-

регами многоводной Оби, видъ баржи съ арестантами, которую велъ на буксиръ «Рейтернъ», приводили насъ порой въ отчаяніе. И вотъ, благодаря сердечному отношенію нашихъ спутниковъ, мрачное настроеніе духа просвѣтлялось; по мѣрѣ приближенія къ Томску чувствовалось и уменьшеніе разстоянія между нашей завѣтной мечтой и исполненіемъ ея—и это вливалось въ насъ струю бодрости. Съ какимъ нетерпѣніемъ выходили на берегъ въ Сургутъ, Нарымъ и Колпашевъ, надѣясь найти на твердой землѣ свѣжія свѣдѣнія о томскомъ университетѣ, но каждый разъ возвращались разочарованными! Тѣмъ не менѣе эти 10 дней путешествія живо сохранились въ памяти, вѣроятво, всѣхъ насъ, не взирая на прошедшіе 25 лѣтъ. Думаю, что всѣ мы до сихъ поръ питаемъ глубокую благодарность къ пассажирамъ «Рейтерна», поддержавшимъ въ насъ въ тяжелое время бодрость духа.

Въ Томскѣ мы прибыли 18 августа часа въ 2—4 дня. Многіе устроились въ популярныхъ въ то время номерахъ Наумова на Милліонной ул., какъ недорогихъ и сравнительно удобныхъ; многіе въ меблированныхъ комнатахъ за Истокомъ. Въ Томскѣ мы застали человѣкъ 30—40 семинаристовъ, готовившихся къ экзаменамъ, и первыхъ изъ нихъ мы узнали С. М. Тимашева и А. С. Смородинцева. Часовъ въ 6—7 вечера въ университетскомъ саду,

около квартиры попечителя округа, насъ собралось десятка два, желавшихъ подать прошеніе лично ему. За позднимъ временемъ пріемъ попечителемъ былъ отложенъ на слѣдующій день, пишущій же эти строки, какъ явившійся съ письмомъ отъ попечителя Виленскаго округа тайн. сов. Сергіевскаго, былъ тотчасъ принятъ. Разспросивъ подробно объ условіяхъ жизни въ Западномъ краѣ, о причинахъ, побудившихъ меня двинуться въ далекую и трудно доступную въ то время Сибирь, о средствахъ къ существованію и пр., В. М. Флоринскій, въ присутствіи правителя канцеляріи Г. С. Томашинскаго, долго распространялся о томъ, какъ себя долженъ вести студентъ, чтобы оправдать надежды, возлагаемыя на университетъ сибирскимъ обществомъ и правительствомъ и на прощанье велѣлъ мнѣ на слѣдующій же день передать инспектору студентовъ А. С. Еленеву свое распоряженіе о предоставленіи мнѣ бесплатно комнаты въ общежитіи. Остальные товарищи были имъ приняты на слѣдующій день также любезно, но имъ онъ сообщилъ, что двери университета раскрыты предъ семинаристами, благодаря его усиленнымъ ходатайствамъ, что онъ симпатизируетъ имъ, какъ бывший семинаристъ и пр., почему убѣдительно просилъ ихъ заниматься въ университетѣ только науками и приложить все стараніе для

того, чтобы оправдать его труды для нихъ. На прощанье онъ имъ заявилъ, что двери его кабинета всегда будутъ открыты для студентовъ.

25—27 августа происходили въ стѣнахъ университета повѣрочныя испытанія для семинаристовъ. Какъ и слѣдовало ожидать, всѣ выдержали ихъ успѣшно, такъ какъ основательно готовились къ экзаменамъ. Къ 30 августа оказались зачисленными на медицинскій факультетъ 74 чел. и 1 вольнослушатель; послѣдній—извѣстный въ то время золотопромышленникъ Енисейской губ., г. Кузнецовъ.

Къ 1 сентября оказались на лицо и профессора: ректоръ Н. А. Гезехусъ—проф. физики, Ал. С. Догель—гастрологіи, Ал. М. Зайцевъ—минералогіи и геологіи, С. І. Залѣсскій—химіи, С. И. Коржинскій—ботаники, Н. М. Маліевъ—анатоміи, Д. Н. Бѣликовъ—богословія. Эд. Ал. Леманъ—фармаціи.

Днемъ открытія начала лекцій было назначено 1 сентября. Въ 11 ч. утра въ университетской церкви было совершено молебствіе, послѣ чего студенты были приглашены въ актовъ залъ. Здѣсь попечитель округа произнесъ рѣчь, въ которой поздравилъ насъ, первыхъ студентовъ и всю университетскую коллегію съ новою духовною жизнью. „Въ случаѣ какихъ либо сомнѣній или недоразумѣній“, сказалъ онъ намъ, „обращайтесь ко мнѣ не какъ къ начальнику, а какъ

къ любящему васъ отцу“. По оконча-
ніи рѣчи онъ пригласилъ васъ, про-
фессоровъ и должностныхъ лицъ уни-
верситета на первую лекцію. Ее про-
челъ проф. ботаники С. И. Коржин-
скій, въ послѣдствіи столь любимый сту-
дентами, на тему „Что такое жизнь“.
„Вопросъ о жизни есть коренной во-
просъ біологическихъ и медицинскихъ
наукъ. Это есть азбука и вмѣстѣ съ
тѣмъ конечная цѣль, альфа и омега
біологіи. Вы пришли сюда изучать
жизнь—пусть-же первое слово, кото-
рое вы услышите въ этихъ стѣнахъ,
будетъ слово о жизни“, сказала С. И.
«Но едва ли мы сумѣемъ отвѣтить на
вопросъ, что такое жизнь». „Человѣкъ
не можетъ опредѣлять такія понятія,
которыя не созданы его умомъ и не
могутъ быть всецѣло объаты имъ“.
Перешелъ къ вопросу о самозарожде-
ніи, распространялся о теоріяхъ Гек-
келя и Негели, перешелъ къ критикѣ
афоризма Линнея объ отличіи трехъ
царствъ природы: *Mineralia sunt, vege-*
tabilia sunt et vivunt, animalia sunt,
vivunt et sentiunt—(минералы существу-
ютъ, растенія существуютъ и живутъ,
животныя существуютъ, живутъ и чув-
ствуютъ). Далѣе онъ подробно разо-
бралъ особенности питанія и дыханія
растеній и животныхъ, отличительныя
черты животныхъ отъ растеній и т. д.
Лекція эта въ послѣдствіи была напеча-
тана. Интересная тема, превосходный
лекторъ, хотя и страдавшій неболь-

шимъ недостаткомъ произвошенія (слегка шепелявилъ), нашъ нервный подъемъ, малое знакомство наше съ природовѣдѣніемъ и физиологіей сдѣлали то, что по окончаніи лекціи мы впали, если тамъ можно выразиться, въ какое то оцѣпенѣніе и пришли въ себя, когда раздались аплодисменты профессоровъ. Начались долго несмолкавшіе аплодисменты и съ нашей стороны.

Съ 3 сентября началось регулярное посѣщеніе лекцій. Профессора ботаники и минералогіи удивлялись аккуратному посѣщенію нами практическихъ занятій въ ихъ кабинетахъ. Пишущій эти строки на первомъ курсѣ не пропустилъ ни одной лекціи, ни одного часа практическихъ занятій, а такихъ было большинство. Съ какою любовью и усердіемъ занимались съ нами профессора въ лабораторіяхъ! Всѣ они были молодые люди, только что получившіе каѳедры.

Богатѣйшая бібліотека университета еще была въ безпорядкѣ, но бібліотекарь С. К. Кузнецовъ (недавно умершій) не отказывался достать намъ нужную книгу.

Анатомическій театръ помѣщался въ не приспособленномъ для работы надъ трупами зданіи; освѣщался онъ скудно газомъ и намъ приходилось брать съ собою туда свѣчи. Недостатка въ трупахъ не было—ихъ доставляла пересыльная тюрьма. Во всякое время можно было застать въ

институтъ 3—4 десятка студентовъ и большею частью вблизи нихъ профессора Маліева или прозектора С. М. Чугунова. Такъ текли мирно наши занятія до 20 октября, когда у насъ разыгрался маленький инцидентъ, но объ этомъ поговоримъ позднѣе, а пока сдѣлаю отступленіе для изложенія квартирныхъ и другихъ хозяйственныхъ сторонъ жизни студента.

Квартирный вопросъ у насъ разрѣшился очень легко. Студентамъ при поступленіи было объявлено, что всѣ желающіе могутъ устроиться въ зданіи общежитія на слѣдующихъ условіяхъ: обѣдъ, ужинъ и бѣлый хлѣбъ къ чаю въ количествѣ 1 ф. въ день за 6 руб. въ мѣсяцъ, за комнату въ 2 окна для двухъ человѣкъ по 2 руб. 50 к. и за освѣщеніе по 1 стеариновой свѣчѣ-пятерикъ по 1 руб. въ мѣсяцъ съ cadaго. По желанію можно было занять одному человѣку комнату въ одно окно за 3 руб. въ мѣсяцъ. Такимъ образомъ квартира со столомъ и освѣщеніемъ обходилась въ 9 руб. 50 коп. въ мѣсяцъ. Эти условія были заманчивыми и въ началѣ сентября изъ 74 чел. общежитіемъ воспользовались 52. Мало состоятельные освобождались отъ платы за комнату, для чего требовалось лишь словесное заявленіе инспектору, для полученія разрѣшенія попечителя. 5 человѣкъ пользовались и бесплатнымъ столомъ.

Открытие дома общежитія было назначено на 27 августа. На торжество прибыли приглашенные лица во главѣ съ преосвященнымъ Исаакиемъ и губернаторомъ А. П. Булюбашъ (вскорѣ умершимъ). Гостямъ и студентамъ былъ предложенъ попечителемъ завтракъ и чай. Губернаторъ обратился къ намъ съ теплымъ словомъ, которое закончилъ такъ: „Вы—фундаментъ той славы, которая сложится о томскомъ университетѣ, того мѣня, которое о немъ распространится. На васъ лежитъ долгъ своимъ трудомъ, своимъ поведеніемъ обезпечить вашему университету прочную и хорошую славу“. За завтракомъ выразилъ намъ добрыя пожеланія и преосвященный, а также В. М. Флоринскій.

Домъ общежитія былъ выстроенъ трудами В. М. Флоринскаго при помощи частной благотворительности съ поддержкой со стороны университета, причемъ предполагалось, что сибирское общество будетъ поддерживать его и впредь, въ противномъ случаѣ правленіе университета было бы вынуждено доплачивать на содержаніе дома значительную сумму. Кажется, предположеніе не вполне оправдалось.

Общежитіемъ пользовались и богатые студенты, такъ какъ комнаты были удобныя и теплыя, а столъ великолѣпный. Хозяйство вела, конечно, безплатно, супруга инспектора, обѣдалъ и ужиналъ съ нами инспекторъ. Обѣдъ

состоялъ изъ 2-хъ мясныхъ блюдъ, ужинъ изъ одного мясного или замѣнялся молокомъ, по желанію. Самоваръ подавался утромъ и вечеромъ въ столовой; одни пили чай тутъ-же, другіе брали кипятокъ къ себѣ въ комнату или, по желанію, приносили слугитель; для этой цѣли имѣлась специальная казенная посуда. Столъ всегда былъ сытный, вкусный; блюда повторялись не чаще, какъ черезъ 5 дней. Навѣрное, многіе до сихъ поръ помнятъ вкусные пироги, которыми насъ угощали въ общежитіи м-те Еленева по воскресеньямъ. Изъ обстановки имѣлось все необходимое. Освѣщеніе стеариновыми свѣчами было для насъ выгодно и служило нѣкоторымъ образомъ доходной статьей. Дѣло въ томъ, что электрическаго освѣщенія Томскъ 25 лѣтъ тому назадъ еще не зналъ; университетъ освѣщался газомъ, улицы и дома керосиномъ. Мы, получая по 2 свѣчи въ день на двоихъ, занимались при 1 свѣчѣ и экономили въ теченіе мѣсяца фунтовъ 6 на двоихъ; эти экономическія свѣчи нами продавались въ лавочкѣ недалеко отъ университета, подобно тому какъ еще сравнительно недавно въ лавкахъ торговали „экономическими“ свѣчами Сиб. жел. дор.

Для уборки комнатъ и услугъ имѣлись 3 слугителя, но, кажется, для посылокъ мы охотнѣе пользовались педелями, жившими въ общежитіи. Ихъ

назначеніе состояло въ записываніи по вѣшалкамъ присутствующихъ на лекціяхъ студентовъ и въ надзорѣ за студентами въ стѣнахъ общежитія. Отношенія между „поднадзорными“ и опекунами были наилучшія, и ничего дурного мы отъ нихъ не испытывали. Отношенія между студентами и инспекторомъ Еленевымъ были все время хорошія. Въ то время, какъ въ московскомъ университетѣ—то были времена Брызгалова—за несоблюденіе правилъ о форменной одеждѣ студентовъ подвергали аресту въ университетѣ, въ Томскѣ многіе студенты вовсе не имѣли форменнаго верхняго платья. Инспекторъ Еленевъ въ такихъ случаяхъ ограничивался частыми, правда, напоминаніями, но въ очень корректной формѣ, о необходимости обзавестись форменнымъ пальто. Многіе изъ насъ эти напоминанія слышали до 5 курса и ни для кого они не были обидны.

На частныхъ квартирахъ устраивались также недорого, тамъ цѣны на квартиры и въ особенности на продукты были очень низки. За небольшую комнату съ полнымъ столомъ и „прикускою“ къ чаю студентъ платилъ 11—12 р., при готовомъ освѣщеніи, при чемъ кормили очень хорошо. Въ общежитіи конечно было уютнѣе, теплѣе и удобнѣе, да и столъ былъ разнообразнѣе, къ университету ближе,

веселѣе и пр. Да наконецъ въ общежитіи было и дешевле.

— Расходъ нашъ былъ не великъ, но и приходъ мало превышалъ его. Уроковъ было мало, цѣны стояли низкія. За ежедневное репетированіе двухъ гимназистовъ 3 и 4 класса, жившихъ на Воскресенской горѣ, студентъ получалъ 10 руб. въ мѣсяцъ; другихъ занятій, подходящихъ для студента, не было. Контингентъ студентовъ былъ такъ не великъ, что всякая нужда быстро удовлетворялась.

Университетская жизнь текла мирно. Мы учились; профессора были съ нами. Первая для насъ сибирская зима была холодная, но въ стѣнахъ общежитія въ большинствѣ комнатъ было уютно, тепло и весело. Заниматься другъ другу не мѣшали. Въ свободное время собирались въ читальной, гдѣ имѣлись газеты и журналы, изъ коихъ многіе доставлялись редакціями бесплатно. Многіе обзавелись знакомыми. Сибирь и теперь еще славится гостепріимствомъ, а 25 лѣтъ тому назадъ, когда пріѣздъ изъ-за Урала былъ невеликъ, были рады каждому новому человѣку, а студенту въ особенности. Недостатка въ приглашеніяхъ на вечера не было; такъ какъ молодежи въ Томскѣ было мало, то студентовъ вездѣ охотно принимали. Въ общественномъ и коммерческомъ собраніяхъ студенты пользовались бесплатнымъ входомъ на танцевальные вечера и маска-

рады, устраивавшіеся почти каждое воскресенье; среди танцующихъ всегда бросался въ глаза десятокъ, а то и болѣе студенческихъ форменныхъ сюртуковъ. Словомъ, врядъ ли гдѣ можно было встрѣтить такой радушный пріемъ, какой оказывался студентамъ въ первый годъ существованія университета. Играла тогда въ театрѣ Королева хорошая драматическая труппа подъ дирекціей владѣльца, но и имъ давалась студентамъ значительная скидка.

Поздно ночью возвращаться въ общежитіе по одиночкѣ было рискованно. На университетской усадьбѣ кромѣ зданія университета, стараго анатомическаго театра и службъ—другихъ построекъ не было; сплошная роща начиналась на улицѣ Московскій трактъ и тянулась вдоль Садовой до губернской тюрьмы съ одной стороны, а съ другой—границила со зданіями больницы общ. призр. Главныя университетскія ворота на ночь запирались и приходилось пробираться у зданія общежитія черезъ рѣшетку или черезъ маленькую калитку, не запиравшуюся на ночь, противъ театра Королева. Роща окарауливалась внутри скудно; запоздавшій студентъ стремглавъ пробѣгалъ черезъ рошу къ общежитію черезъ эту калитку. Веселѣе становилось, когда раздавался хотя и вдали стукъ колотушки сторожа, охранявшаго рошу.

Да и по улицамъ небезопасно было ходить запоздавшему студенту: освѣщеніе было скудное, керосиновое, тротуары плохіе даже на главныхъ улицахъ, а грязь непролазная (извозчики за пятакъ перевозили черезъ улицу) рассказы о грабежахъ и нападеніяхъ изъ-за платья свѣжи были въ памяти. Запоздалаго прохожаго сопровождалъ стукъ колотушки уличнаго сторожа, — дряхлаго старика, но къ сожалѣнію довольно рѣдко попадавагоса, такъ какъ сторожа предпочитали спать въ будкахъ.

Отношенія между студентами установились съ самаго начала дружественныя; большинство студентовъ — бывшіе семинаристы, но отдѣльной группы они не образовали; чувствовалась во всемъ общая солидарность.

Старостой былъ избранъ П. Ф. Ломовицкій, служившій намъ вѣрой и правдой до окончанія курса; онъ былъ однимъ изъ болѣе старшихъ. Сколько непріятностей ему приходилось переносить на старшихъ курсахъ при исполненіи постановленій курса о переговорахъ съ ректоромъ, а въ особенности съ нѣкоторыми профессорами. И всегда онъ въ точности исполнялъ наши порученія, а благодаря своей корректности удачно выходилъ изъ затруднительнаго положенія.

Во всѣ мелочи университетской жизни выикалъ попечитель, такъ что ректоръ существовалъ только номинально.

Симпатичный и любезный Н. А. Гезехусъ, когда къ нему обращались студенты за какимъ нибудь разъясненіемъ неизмѣнно отвѣчалъ: „я охотно согласенъ, но не знаю, какъ Вас. Марк. (попечитель): пойду, спрошу его“ и отправлялся къ попечителю. Это объяснялось тѣмъ, что умный и настойчивый попечитель, строившій и открывшій университетъ, считался какъ бы хозяиномъ его и соотвѣтственно этому держалъ въ „черномъ тѣлѣ“ ректора и профессоровъ. Н. А. Гезехусъ по личности характера и необычной добротѣ своей сразу попалъ въ крѣпкія руки В. М., а затѣмъ уже не могъ высвободиться и черезъ годъ ректорства перевелся въ Петербургъ.

Отношенія наши съ профессорами были наилучшія, попечитель же перемѣнилъ къ намъ или вѣрнѣе къ нѣкоторымъ изъ насъ свое расположеніе по слѣдующему поводу: онъ рѣшилъ устроить 22 октября—день храмового университетскаго праздника,—на спеціальныя средства, балъ въ стѣнахъ университета и свое желаніе передалъ намъ черезъ инспектора, прося насъ быть хозяевами. Каждому изъ насъ было предоставлено право пригласить 2-хъ дамъ, списокъ которыхъ мы имѣли сообщить г. Еленеву, для разсылки приглашаемымъ билетовъ отъ имени попечителя. Но вскорѣ оказалось, что изъ списка вычеркнуты дамы, приглашенныя студентомъ К. (теперь д-ръ

767155-1

медицины занимает видное административное положеніе). На нашу просьбу повліять на попечителя объ отмене имъ своего рѣшенія, такъ какъ по нашимъ свѣдѣніямъ никакихъ поводовъ для исключенія двухъ дамъ не было, г. Еленевъ заявилъ, будто онъ самъ упрашивалъ попечителя, но послѣдній остался непреклоннымъ. Тогда рѣшили отказаться отъ участія въ вечерѣ. Но когда 20 октября инспекторъ, пообѣдавъ съ нами въ обществѣ, пригласилъ насъ идти съ нимъ въ университетъ, чтобы украсить помѣщеніе по нашему вкусу, мы все таки пошли. Здѣсь мы нашли массу разной зелени. Г. Еленевъ первый взялся за пихтовую вѣтку и пригласилъ насъ послѣдовать его примѣру; нѣсколько человѣкъ заговорили, что мы изъ за нанесеннаго К. оскорбленія не можемъ быть на вечерѣ. Просьба инспектора не огорчать „старика“, такъ много сдѣлавшаго для студентовъ и желающаго предстоящимъ вечеромъ лишь доставить удовольствіе юнымъ слушателямъ университета, дать имъ возможность развлечься и ближе познакомиться съ томскою публикою, не возымѣла дѣйствія: студенты стали уходить домой.

На слѣдующій день намъ стало извѣстно, что попечитель распорядился разослать приглашеннымъ имъ на вечеръ письма, съ увѣдомленіемъ, что вечеръ не состоится. Такимъ образомъ

злосчастный вечеръ послужилъ поводомъ къ тому, что попечитель при встрѣчахъ съ нѣкоторыми студентами пересталъ подавать руку, что онъ прежде обязательно дѣлалъ. Надо думать, что отъ инспектора онъ получилъ списокъ студентовъ, оказавшихся болѣе активными въ исторіи съ злосчастной „забастовкой“ и не остался въ долгу; онъ съ ними разсчитался при переходѣ со 2-го курса на 3-ій, при сдачѣ «полулѣкарскихъ» экзаменовъ, о чемъ рѣчь впереди.

— Отношенія съ инспекторомъ остались какъ бы прежнія. Новый годъ многіе встрѣчали въ обществѣ съ нимъ за обильнымъ столомъ, многіе-же были приглашены къ знакомымъ.

На пасхѣ повторилось то же. Вскорѣ начались приготовленія къ экзаменамъ. Многіе старались сдать что только возможно при переходѣ съ перваго курса, такъ какъ при переходѣ на 3-ій экзаменовъ было много, и при томъ довольно трудныхъ. Вотъ экзамены сданы. Нѣкоторые имѣвшіе достатокъ отправились на родину, многіе остались здѣсь, устроившись или въ городѣ или въ ближайшихъ деревняхъ, гдѣ можно было достать урокъ у дачниковъ. Первое лѣто въ Сибири намъ жилось не особенно хорошо: тоска по родинѣ, жаркіе дни, короткое лѣто, невыносимая пыль въ городѣ послужили причиной желанія скорѣй-

паго наступленія зими и приступленія къ занятіямъ въ университетѣ. Наступилъ сентябрь; число студентовъ значительно увеличилось и хотя въ общежитіи отстроили 3-й этажъ, но тамъ стало тѣснѣе и значительно шумнѣе. Заниматься попрежнему уже не возможно было, почему многіе рѣшили покинуть общежитіе и переселиться на частныя квартиры, гдѣ хоть и не было такихъ удобствъ, какъ въ общежитіи, но каждый могъ располагать временемъ по своему. И въ университетѣ уже не стало прежняго единодушія. Число профессоровъ увеличилось. Прибылъ проф. зоологіи Н. Ф. Кащенко, и проф. физиологіи Великій.

Годъ прошелъ незамѣтно, такъ какъ свободнаго времени было мало: лекціи поглощали время до 3-хъ часовъ, а практическія занятія съ 5 до 7 ч. Затѣмъ у большинства имѣлись уроки. Такимъ образомъ многіе являлись на квартиру часамъ къ 10 вечера усталые, верѣдко и голодные. Настала весна. Начались полукурсовые экзамены. Вотъ тутъ В. М. Флоринскій и разсчитался съ „забастовщиками“. Изъ поступившихъ на 1-й курсъ 74 ч. 2-ое оставили университетъ еще на 1-мъ курсѣ, 4—5 человекъ, слабо подготовленныхъ, не рискнули подвергнуться испытаніямъ, такъ какъ попечитель присутствовалъ на многихъ экзаменахъ и принималъ самое дѣятельное участіе; въ результатѣ на 3-ій курсъ перешло

только 36 человекъ. Это было весной 1890 г.

Осенью этого года прибыли уже клиницисты: М. Г. Курловъ, А. П. Коркуновъ (нынѣ покойный), Н. А. Роговичъ, Э. Г. Салищевъ (нынѣ оба покойные) П. М. Альбицкій, И. Н. Грамматикати, И. И. Судакевичъ (нынѣ покойный) Виноградовъ К. Н. (умершій).

Число студентовъ значительно увеличилось. Мы считались старшими и притомъ первыми, почему пользовались уваженіемъ и отчасти расположеніемъ, какъ младшихъ товарищей—студентовъ, такъ и профессуры; профессора и попечитель съ нами всегда здоровались, подавая руку, чего не дѣлали по отношенію къ младшимъ студентамъ. Открылись клиники; ординаторовъ было мало, мы ихъ замѣняли; приемы и обходы, предоставляемые обычно ординаторамъ, дѣлались профессорами непосредственно. Занятій было очень много и притомъ очень интересныхъ; за отсутствіемъ старшихъ курсовъ мы въ клиникѣ работали 3 года вмѣсто обычныхъ 2-хъ лѣтъ. Кто изъ насъ не помнитъ лекцій П. М. Альбицкаго (переведеннаго черезъ годъ въ военно-медицинскую академію на кафедру, освободившуюся за уходомъ знаменитаго проф. Пашутина)? Какъ онъ читалъ о голоданіи! Какъ онъ, бывало, выпьетъ глотокъ воды и, какъ бы прячась за доску, начнетъ излагать собственныя изслѣдованія по вопросу о голоданіи,

грустнымъ тономъ, извлекаемымъ откуда-то изъ глубины сердца, словно голодалъ онъ самъ, а не животное. Кажется будь П. М. здѣсь и я бы охотно и теперь послушалъ бы его задушевныя лекціи. А кто не помнить лекцій К. Н. Виноградова по патологической анатоміи? А Эрастъ Гавриловичъ Силычевъ? А обходы проф. Курлова? Вотъ кто насъ училъ!

На 4-й курсъ перешли мы всѣ—36 человѣкъ. Оставшіеся на лѣтніе каникулы въ Томскѣ и окрестностяхъ студенты 5 іюня 1891 г. были приглашены въ университетъ для встрѣчи Наслѣдника Цесаревича. Насъ собралось человѣкъ 30, намъ выдали спеціальныя билеты на проходъ за цѣпь охраны. Во 2-мъ часу мы явились въ университетъ, гдѣ встрѣтились въ верхнемъ корридорѣ. Наслѣднику Цесаревичу показали весь университетъ; въ кабинетѣ гистологіи были приготовлены подъ микроскопами препараты крови.

Вотъ ужъ мы и на 4-мъ курсѣ. Прибыли профессора: Ерофѣевъ О. А., Образцовъ Е. С., Поповскій Ив. С. Репревъ Ал. В., Судаковъ А. И., Бартневъ Л. Л., Буржинскій П. В. Авфимовъ Як. Аф. Занятій оказалось столько, что приходилось проводить большую часть дня и вечера въ клиникахъ, лабораторіяхъ аудиторіяхъ. Весною 1892 г. мы уже были переведены на 5-й курсъ. Тутъ вспыхнула холера

въ Евр. Россіи, съ волной переселенческаго движенія грозная гостья пожаловала въ Пріамурье и въ Сибирь. З-ое насъ—я, Тимашевъ и Кореневъ были приглашены на Уральскую ж. д. и 20 іюня должны были выѣхать изъ Томска въ Тюмень. Но какая разница! Въ 1888 г. мы ѣхали изъ Тюмени въ Томскъ въ III кл., а теперь на пристани въ Томскъ на нашу просьбу получить съ насъ деньги за проѣздъ во II кл. насъ упрашиваютъ не отказать въ помощи пассажирамъ въ пути и принять за это бесплатно каюту I го кл. Мы охотно согласились. И вотъ въ пути, когда въ III кл. заболѣла холерой женщина, умершая на слѣдующій день, а дѣвать ее некуда было, такъ какъ до пристани и жилья оставались сутки плаванія, мы помяли милые порядки на пароходахъ, плававшихъ тогда по рѣкамъ Западной Сибири. Въ Тюмени были мы въ концѣ іюня. Смертность отъ холеры тамъ была огромная. Тоска и уныніе въ городѣ не поддавались описанію и мы очень были обрадованы, когда насъ передвинули къ западу. Пробыли мы на службѣ до конца сентября. На обратномъ пути, какъ теперь помню, въ концѣ сентября около Сургута температура воды была $+1R$; пассажиры были въ отчаяніи, опасаясь, какъ бы пароходъ не замерзъ въ пути. Въ Томскъ мы прибыли 10 октября: здѣсь до 15 октября стояли чудные, теплые дни, а 16

октября сразу ударили морозы, а вскорѣ установился и санный путь.

Занятія въ университетѣ начались въ октябрѣ, по возвращеніи студентовъ, бывшихъ на борьбѣ съ эпидеміей. Многие прикопили кое-что за лѣто и не нуждались въ теченіе года въ заработкѣ, получивъ возможность предаться исключительно занятіямъ въ клиникахъ. А работы была масса: надо было въ теченіе послѣдняго года чѣмъ больше увидать больныхъ, операцій, самому продѣлать побольше операцій, побольше вскрытій и проч.

Вотъ пройденъ и 5 курсъ. Получаемъ свидѣтельство объ окончаніи университета. Такихъ у насъ оказалось 36 человѣкъ. Снова разѣхались на холерную эпидемію, уже въ качествѣ замѣстителей врачей, на хорошіе по тому времени оклады. Собрались снова въ Томскъ къ половинѣ октября, но 4 уже убыли: 2-ое утонули въ Томи, 1 будучи душевно больнымъ, скрылся изъ Иркутска и умеръ отъ голода въ лѣсу, а 4-й психически заболѣлъ. Экзамены государственные начались 1 ноября и окончились 17 декабря; председателемъ государственной комиссіи былъ В. М. Флоринскій. Окончили всѣ 32 человѣка. Экзамены начинались въ 7 ч. вечера и тянулись далеко за полночь, такимъ образомъ каждому студенту приходилось отвѣчать около часа и при томъ стоя.

Съ какимъ волненіемъ и радостью мы вошли въ первый разъ въ университетъ и съ какой тоской покинули его; чувствовалось, что насильно отрываешься отъ того, что стало такъ дорого и мило сердцу и откуда поневолѣ приходится уходить! Каждый утѣшалъ себя, что разлука временная, что современемъ двери университета опять откроются предъ нами, уже умудренными опытомъ житейскимъ и специалиста-медика. Но увы, суждены намъ благіе порывы! Одни умерли—Прасоловъ (утонулъ) Голубевъ (умеръ отъ туберкулеза), Смирновъ и Орловъ (отъ сыпного тифа въ Ачинскѣ), другихъ увлекла борьба за существованіе, а третьи, оставшіеся при университетѣ, состоятъ жрецами науки уже давно. Это профессора Кулябко А. А. (физиологія), Тимашевъ С. М. (дѣтскія болѣзни), Левашевъ И. М. (діагностика), Левковскій А. М. (психіатрія—въ Саратовѣ), приватъ-доценты П. В. Бутягинъ (бактеріологія), И. П. Корвинъ (патологическая анатомія въ военно медицинской академіи). Нѣкоторые занимають видныя административныя должности: Кореневъ Ев. Н. (Петербургъ), Тепляшинъ П. Ел. и Павскій С. Ег.—врачебные инспектора и друг.

25-лѣтній юбилей существованія университета исполнился 22 іюля с. г., но по традиціи празднованіе перенеслось на 22 октября, почему позво-

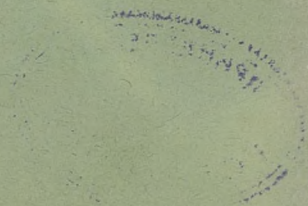
ляю себѣ воспользоваться сегодняшнимъ днемъ, знаменательнымъ для насъ питомцевъ томскаго университета, и привести слова В. М. Флоринскаго, сказанныя имъ намъ 1 сентября 1888 г., въ день открытія учебнаго курса, въ актовомъ залѣ университета: „много разъ я участвовалъ и на главныхъ праздникахъ нашихъ университетовъ. Самымъ почетнымъ гостемъ въ этихъ случаяхъ является старшій по выпуску изъ бывшихъ воспитанниковъ университетской семьи. И для васъ, господа первые студенты томскаго университета, придетъ такое время, какъ бы оно ни казалось теперь отдаленнымъ. Поэтому не забывайте, что вамъ предстоитъ выступить въ роли первыхъ представителей воспитанниковъ нашего университета». Хочется вѣрить, что мы показали себя достойными этого историческаго положенія и поддерживали честь и историческую память перваго университетскаго курса.

Въ сей знаменательный для насъ день позволяемъ себѣ вспомнить со скорбью и благоговѣніемъ умершихъ попечителя округа В. М. Флоринскаго, профессоровъ и товарищей врачей, въ особенности павшихъ жертвою; долга приносимъ поздравленіе профессорамъ какъ бывшимъ, такъ и нынѣ занимающимъ кафедры, и врачамъ воспитанникамъ томскаго университета, и высказываемъ мысль о необходимости

ознаменовать юбилей образованіемъ фонда для учрежденія стипендіи или преміи имени врачей питомцевъ томскаго университета перваго двадцатипятилѣтія. Думаю, что это легко осуществитъ если принять во вниманіе, что университетъ выпустилъ уже около 1000 врачей.

Въ этотъ торжественный для насъ-томичей день отъ души желаю, чтобы первыми студентами втораго двадцатипятилѣтія томскаго университета, среди которыхъ имѣетъ честь состоять и сынъ мой, жилось также привольно, какъ намъ первымъ студентамъ, чтобы они пользовались такимъ расположеніемъ и симпатіями мѣстнаго общества, какіе доставались на нашу долю, чтобы они такъ старательно изучали естественныя науки и медицину, какъ мы, чтобы профессора съ такою любовью и охотою занимались съ ними, какъ бывшіе наши профессора и чтобы подъ девизомъ „университетъ для ученія“ они стремились ко всему высокому, честному и доброму!

III-й годъ изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1913 годъ

на большую ежедневную (кро-
мѣ поведѣльниковъ) прогрес-
сивную газету

„Утро Сибири“

издаваемую въ г. Томскѣ.

Въ „Утрѣ Сибири“ принимаютъ участіе
видныя силы сибирской и столичн. прессы.

Собственные корреспонденты: въ Петер-
бургѣ, Москвѣ, за границей и Сибири.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА съ пересылкой во всѣ
города Россіи и Сибири.

На 1 годъ 6 р., на 6 мѣс. 3 р., на
3 мѣс. 1 р. 70 к., на 1 мѣс. 60 коп.

Для учащ. и учащихся.

На 1 годъ 5 р., на 6 мѣс. 2 р. 50 к.
на 3 мѣс. 1 р. 25 к., на 1 мѣс. 45 к.

За границу.

На 1 годъ 10 р., на 6 мѣс. 6 р., на
3 мѣс. 3 р. 50 к., на 1 мѣс. 1 р. 20 к.

Перемѣна адреса — 35 к. (При перемѣнѣ
адреса необходимо прилагать или указы-
вать прежній адресъ).

Редакціей получаютъ телеграммы отъ
собственныхъ корреспондентовъ, помимо
телеграммъ петерб. тел. агентства.

Въ газетѣ будутъ помѣщаться
иллюстраціи.